

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ФЕОДОРА МЕТОХИТА И ИХ ИСТОКИ

М.В. Невзорова

Новосибирский государственный
университет

nanarika@mail.ru

Статья посвящена антропологическим представлениям Феодора Метохита (1270–1332) – видного политического деятеля Палеологовской Византии, гуманистически настроенного писателя и ученого, – и выявлению истоков его антропологических и этических идей. Наряду с античными источниками, на которые уже неоднократно указывалось в историографии применительно к этическим взглядам Метохита, предпринята попытка проследить также византийские источники его антропологии, которым до сих пор практически не уделялось внимания. А между тем, именно их выявление имеет ключевое значение для оценки степени новизны и оригинальности, присущей идеям Метохита, а также их места и значения в византийской философии. Сопоставление концепции Метохита с воззрениями его предшественников из числа византийских философов и богословов позволяет выявить в его позиции ряд новых черт, нехарактерных для традиционного византийского мировосприятия, хотя в целом идеи Метохита выросли именно на его почве и представляют собой, по-видимому, не разрыв с традицией, но попытку ее переосмысления.

Ключевые слова: Феодор Метохит, история, философия, антропология, Палеологовское Возрождение, Византийская империя.

DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.2-41-47

Как известно, один из наиболее эффективных способов изучения культурной атмосферы той или иной эпохи – исследование мировоззрения людей, живших в изучаемое время и оказавших влияние на современную им культуру. Для эпохи первых Палеологов в Византийской империи одним из таких деятелей стал Феодор Метохит – человек многосторонней образованности, приближенный императора Андроника II, ставший фактически вторым человеком в государстве в годы правления последнего и разделивший участь своего императора после его свержения. В настоящее время Метохит известен прежде всего как автор «Памятных и примечательных заметок» – собрания из 120 небольших эссе на различные темы, нескольких поэм и речей, а также как ктитор монастыря Хора в Кон-

стантинополе, фрески которого, написанные по заказу Метохита, сохранились до наших дней и представляют собой одно из наиболее значительных проявлений Палеологовского Возрождения в изобразительном искусстве. Детищем Метохита стала библиотека монастыря Хора, на тот момент – одна из лучших в Константинополе, также сохранившаяся до нашего времени. С точки зрения изучения Палеологовского Возрождения фигура Метохита особенно интересна тем, что его деятельность пришлась на годы зарождения этого культурного движения и предшествовала расколу византийской образованной элиты на два «лагеря» – гуманистов и исихастов. Показателен тот факт, что двое его лучших учеников – Никифор Григора и Григорий Палама – заняли впоследствии противополо-

ложные позиции в этом споре. Соответственно, для лучшего понимания культурной атмосферы Византийской империи в палеологовский период представляется необходимым изучение творчества Феодора Метохита и его взглядов. При этом важную роль играет проблема выявления истоков, из которых Метохит черпал свои идеи, и, как следствие, вопрос о соотношении «старого» и «нового» в его мировоззрении.

Первостепенное внимание в рамках настоящей статьи было решено уделить антропологическим представлениям Метохита как наиболее важному аспекту его взглядов в контексте Палеологовского Возрождения. Свою роль сыграл и тот факт, что эта сторона его мировоззрения на данный момент является наименее исследованной.

В историографии вопрос об истоках антропологических идей Феодора Метохита специально не рассматривался. Однако во многих работах отечественных и зарубежных авторов присутствуют указания на философов, влиянию которых Метохит был обязан в том или ином случае. Так, неоднократно указывалось на его увлечение Платоном (которого Метохит называет не иначе как *ὁθαυμαστός Πλάτων*) [12; 4; 15; 19] и знакомство с воззрениями стоиков [12; 18]; отмечают также значительное влияние Аристотеля на этические представления Метохита [13; 19]. Большая работа по атрибуции цитат и необычных выражений, встречающихся в первых главах «Гномических заметок», была проделана группой ученых, издавших эти главы [16].

Однако во всех указанных случаях речь практически не шла об антропологической концепции Феодора Метохита. При этом первостепенное внимание всегда уделялось античным источникам его идей. В то же время, помня о роли, которую играли в

культуре Византийской империи богословские концепции и церковные установления, следует иметь в виду также собственно византийские источники, оказавшие влияние на Метохита – особенно ввиду того, что в юности он серьезно занимался изучением творений святых отцов и, следовательно, был с ними хорошо знаком [12, р. 4; 15, р. 324]. Поэтому в данной статье, наряду с античными истоками идей Метохита, будет предпринята попытка хотя бы частично выявить византийские корни его мировоззрения.

Итак, что касается платонизма Метохита, он опосредован традициями христианской антропологии и выражается прежде всего в обостренном ощущении конфликта между материальным и духовным началами в человеке. И хотя в итоге Метохит приходит к необходимости их сосуществования, все же эта необходимость тягостна для него, о чем красноречиво свидетельствует ряд характеристик тела: «злосчастный кусок плоти», «сковывающее и хоронящее действия и движения нашей души», «великая помеха душе в ее разумной деятельности» [20, pp. 292–293]. В христианстве это противостояние хоть и обозначено, но не достигает подобной остроты. Тело мыслится прежде всего как «соратник» души, ее орудие для действий в этом мире. Утверждается, что тело будет восстановлено также при всеобщем воскресении как неотъемлемая часть человека [см. 8, с. 228, 229; 9, с. 114–118 и др].

Созвучна идеям Платона и психология Метохита, а именно разделение души на две части, одна из которых – разумная – аналогична платоновской бессмертной душе и является главным, ведущим началом в человеке, единственной частью его природы, которая по-настоящему достойна

внимания. При этом Метохит полностью отбрасывает естественнонаучные и анатомические обоснования этого положения, данные Платоном, – проблема устройства души занимает его исключительно с практической точки зрения: больше всего его заботит вопрос о том, какие последствия это имеет для человека и как ему следует действовать в этих обстоятельствах.

Впрочем, следует заметить, что схожее представление характерно для византийского богословия в целом, с той лишь разницей, что, хотя разум и считается наивысшим и важнейшим, он представляет собой не столько «часть» человека в буквальном смысле, сколько *возможность* единения с Богом, которая может в земной жизни быть реализована или нет [5, с. 204].

Рассуждения Метохита о привычке как важном инструменте самосовершенствования, основанные на трактовке изречения Платона, звучали ранее у Немесия Эмесского и Евагрия Понтийского [6, с. 429; 2, с. 487] (чьи труды, хоть и под чужими именами, имели хождение в Византии), а само это изречение взято им у Синезия Киренского, ссылавшегося на Федон [16, р. 73].

Связь идей Метохита со стоицизмом обнаруживается прежде всего в его размышлениях о том, что жизнь подобна театру, где все люди актеры, и, соответственно, задача каждого человека – сыграть свою роль наилучшим образом, какой бы неприглядной та ни оказалась. Значительное место в его концепции занимает капризная и своенравная судьба-случай. В образе Судьбы (Τύχη) у Метохита, как и у поздних стоиков, персонифицируется представление об изменчивости и непостоянстве жизни. В духе стоицизма решается и вопрос о том, как реагировать на эту изменчивость. Метохит предписывает вырабатывать в себе

бесстрастие, чтобы встретить все удары судьбы со спокойной и осознанной «готовностью» к ним. Источником же бесстрастия служат добродетели, приобретаемые с помощью разума, основные из которых – благоразумие (εὐγνώμοσύνη), умеренность (μετριότης), справедливость (δίκη) и благородство (ἀρετή, μεγαλοφροσύνη). В поисках источника этих идей можно без сомнений указать на Диона Хризостома [14, р. 34–35], с речами которого Метохит несомненно был хорошо знаком – рассуждению о достоинствах их стиля посвящена одна из глав «Гномических заметок» Феодора Метохита [20, pp. 141–149]. Заметны здесь и отголоски народных верований, так и не вытесненных окончательно христианской картиной мира – прежде всего это касается веры в судьбу. Однако известно, что и само христианство многое позаимствовало у стоицизма. Свидетельств тому множество – от христианских переложений трудов стоиков (например, Эпиктета, чье знаменитое «Руководство» при «христианизации» подверглось лишь поверхностной обработке и было широко известно в Византии под видом творения Нила Анкирского) [11, с. 454–461] до трудов Василия Великого, Григория Нисского и особенно всеобъемлющего богословского синтеза Максима Исповедника, в котором философия стоиков уже существенно переработана в духе христианства [17, р. 1069]. Но если, к примеру, у Максима Исповедника бесстрастие приводит человека к мистическому восторгу божественной любви, к «бесстрастной страсти»; то у Феодора Метохита оно ближе к тому бесстрастию, о котором говорили стоики: оно более сухо и рассудочно, и основным аргументом для его стяжания служит не обожение, а уменьшение страданий от превратностей судьбы в земной жизни.

Наиболее сложно складывались отношения Феодора Метохита с философией Аристотеля. Если его тяготение к философским идеям Платона и стоиков заметно практически невооруженным глазом, то Аристотель на первый взгляд как будто не пользуется уважением Метохита. Целый ряд глав «Гномических заметок» посвящен выявлению и обоснованию его «мнимой мудрости» (*δοξοσοφία*) и разоблачению его тщеславия, особенно по отношению к предшественникам [20, pp. 23–35, 42–48]. Несомненные заслуги Аристотеля Метохит признает только в области логики и естествознания [20, pp. 81–85]; что же касается остальных его идей, Метохит называет их туманными и неясными, а «Метафизику» считает неудачной настолько, что было бы лучше, если бы она не была написана вовсе или не сохранилась для потомков [20, p. 156].

В то же время, известно, что, работая над «Гномическими заметками», Метохит перенял у Аристотеля некоторые из его этических идей. Это касается его рассуждений о практической и созерцательной жизни – и прежде всего той роли, которую в них играет представление о свободном выборе и причине, определяющей выбор того или иного образа жизни. Созерцательная жизнь (*βίος θεωρητικός*), которая ассоциируется у Метохита не только с уходом в монастырь, но и с занятиями философией, представляется ему более предпочтительной, чем жизнь деятельная, так как возвышает человека над повседневностью и помогает выработать то самое бесстрашие, необходимое, чтобы не страдать от козней судьбы [20, pp. 277–279]. Однако Метохит считает необходимым уточнить, что созерцательная жизнь принесет человеку пользу лишь в том случае, если она выбрана созна-

тельно и по внутренней склонности. В противном случае (т. е. если человек избрал созерцательную жизнь бездумно или просто в силу неумения вести жизнь деятельную), она ему только навредит [20, p. 276]. Такой ход мыслей, а также обстоятельность, с которой Метохит разбирает этот вопрос, перекликаются с рассуждениями Аристотеля о свободном выборе и о произвольных и непроизвольных действиях, и представляют собой попытку применить идеи Аристотеля к потребностям Византии XIV века.

Проблема произвольных и непроизвольных действий была разработана в византийской философии задолго до Метохита чередой христианских мыслителей, среди которых – Климент Александрийский и Немесий Эмесский (а вслед за ними – Максим Исповедник и Иоанн Дамаскин) [см. 3, с. 292–299; 6, с. 418–432; 7, с. 184–187; 10, с. 80–82]. Однако до него никто не пытался применить знания о произвольном и непроизвольном к вопросу о выборе образа жизни. Созерцательная жизнь, под которой прежде всего подразумевалось монашество, считалась заведомо выше и предпочтительнее жизни деятельной (т. е. мирской), поэтому многие византийцы под влиянием этих представлений, даже проведя в миру всю жизнь, стремились принять монашество хотя бы на смертном одре [12, p. 32]. Метохит же утверждает, что спасение человека зависит прежде всего от его действий, какую бы жизнь он ни вел, и что деятельная жизнь не менее чем созерцательная угодна Богу, если ведущий ее благочестив.

Представления Метохита о самой созерцательной жизни сходны с размышлениями Григория Богослова о жизни в уединении и ее необходимости не только для отрешения от земных благ, но и для изучения философии. Различие между двумя

мыслителями заключается в том, что, как человека светского, Метохита привлекает в созерцательной жизни прежде всего возможность заниматься науками и затем использовать полученные знания в государственной и другой практической деятельности; Григорий же как священник видит пользу занятий философией прежде всего в том, чтобы лучше понимать и наставлять в вере заблудшие души и выступать против ересей [1, с. 292, 293].

Из всего вышесказанного мы можем заключить, что багаж знаний Феодора Метохита в области антропологии, в общем, был типичен для антикизирующего интеллектуала палеологовского периода. Основу его составляют Платон и неоплатоники, поздние стоики и Аристотель. Кроме того, многие положения, близкие идеям Метохита, в том или ином виде присутствовали в трудах византийских богословов предшествующих веков. Будет логичным предположить, что в ряде случаев идеи Платона и стоиков могли быть восприняты им не только из их собственных философских сочинений, но и из более поздних переложений и толкований христианских авторов.

Однако, хотя основные положения антропологических взглядов Феодора Метохита могут быть найдены у его предшественников, взгляды эти несводимы к простой сумме своих источников: под пером Метохита воспринятые им идеи византийских богословов получают новое осмысление. Среди черт, новых или необычных для христианской антропологии – его рационализм, ориентация на благо государства и на извлечение практической пользы из философии, а также небывалый драматизм мировосприятия, пришедший на смену светлому ликованию или благоговейно-

му трепету предшествующих христианских писателей, созерцавших гармонию божественного творения.

Литература

1. *Бирюков Д.С.* Св. Григорий Богослов. Триадология и антиарианская полемика // Антология восточно-христианской богословской мысли: В 2 т.; под науч. ред. Г.И. Беневича и Д.С. Бирюкова; сост. Г.И. Беневич. – М.-СПб., 2009. – Т. 1. – С. 291–301.
2. *Евазрий Понтийский.* Послание к Меланию. // Антология восточно-христианской богословской мысли: В 2 т.; под науч. ред. Г.И. Беневича и Д.С. Бирюкова; сост. Г.И. Беневич. – М.-СПб., 2009. – Т. 1. – С. 477–497.
3. *Климент Александрийский.* Строматы: В 3 т. – СПб., 2003. – Т. 1. – 542 с.
4. *Медведев И.П.* Византийский гуманизм, XIV–XV вв. – СПб., 1997. – 341 с.
5. *Мейендорф П.Ф.* Византийское богословие: Исторические тенденции и доктринальные темы. – Минск, 2007. – 334 с.
6. *Немесий Эмесский.* О природе человека // Антология восточно-христианской богословской мысли: В 2 т.; под науч. ред. Г.И. Беневича и Д.С. Бирюкова; сост. Г.И. Беневич. – М.-СПб., 2009. – Т. 1. – С. 418–447.
7. *Св. Максим Исповедник.* Догматический томос к пресвитеру Марину // Антология восточно-христианской богословской мысли: В 2 т.; под науч. ред. Г.И. Беневича и Д.С. Бирюкова; сост. Г.И. Беневич. – М.-СПб., 2009. – Т. 2. – С. 183–196.
8. *Св. Мефодий, епископ и мученик.* О воскресении, против Оригена // Библиотека отцов и учителей церкви. Св. Григорий Чудотворец. Св. Мефодий Патарский. Творения. – М., 1996. С. 192–271.
9. *Св. Григорий Нисский.* Об устройении человека // О человеке: сб. трактатов. – СПб., 2011. – С. 23–142.
10. *Преп. Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. – 162 с.
11. *Эпиктет (Нил Анкирский).* Руководство // Антология восточно-христианской богослов-

ской мысли: В 2 т.; под науч. ред. Г.И. Беневича и Д.С. Бирюкова; сост. Г.И. Беневич. – М.-СПб., 2009. – Т. 1. – С. 454–461.

12. Beck H.-G. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. – München, 1952. – 146 p.

13. Bydén B. Theodore Metochites' Stoicheiosis Astronomike and the Study of Natural Philosophy and Mathematics in Early Palaiologan Byzantium. – Göteborg, 2003. – 547 p.

14. Dio Chrysostom, with an English translation by H. Lamar Crosby: in five volumes. London. – Cambridge, 1951. – Vol. 5. – P. 34–35.

15. Fryde E. The early Palaeologan Renaissance (1261 – c.1360). Leiden; Boston; Köln, 2000. (The Medieval Mediterranean. Vol. 27). – 429 p.

16. Hult K., Bydén B. Theodore Metochites on Ancient Authors and Philosophy: Semeioseis gnomikai 1–26 & 71. Göteborg, 2002. – 360 p.

17. Maximi Confessoris Ambiguorum Liber // Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca / ed. J.-P. Migne. – Paris, 1863. – Vol. 91. – P. 1031–1418.

18. Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. München, 1977. – 269 p.

19. Tatakis V.N., Moutafakis N.J. Byzantine philosophy. Hackett Publishing, 2003. – 431 p.

20. Theodori Metochitae Miscellanea philosophica et historica / ed. Chr. G. Müller, Th. Kiessling. – Lipsiae, 1821. – 838 p.

THEODORE METOCHITES' ANTHROPOLOGICAL VIEWS AND THEIR SOURCES

M.V. Nevzorova

Novosibirsk State University

nanarika@mail.ru

The article is dedicated to anthropological views of Theodore Metochites (1270–1332), a prominent statesman of Palaeologan Byzantium, humanistic writer and scholar, and to revealing of his ethical and anthropological ideas' sources. Along with their ancient sources, which are partly studied with reference to Metochite's ethical views, there has been made an attempt to trace also byzantine sources of his anthropological ideas, which were not given a considerate examination yet. However, it is their investigation that has key meaning for the exact assessment of Metochite's ideas' novelty and originality and of their place and meaning for Byzantine philosophy. The comparison between Metochite's conception and the views of byzantine philosophers and theologians of preceding generations reveals some new features in his position, which were not common for traditional byzantine world outlook. However, we may see that Metochite's anthropological ideas in their whole were developed from it and we can ascertain that they are rather an attempt to revise the tradition than a breakup with it.

Keywords: Theodoros Metochites, history, philosophy, anthropology, Palaeologan Renaissance, Byzantine Empire.

References

1. Birjukov D.S. Sv. Grigorij Bogoslov. *Triadologija i antiarianskaja polemika* [St. Gregory the Theologian. Trinitarian theology and the polemic against Arianism]. *Antologija vostočno-beristsianskoj*

bogoslovskoj mysli. – Moscow-St.Petersburg, 2009, Vol. 1, pp. 291–301. (in Russian)

2. Evagrii Pontijskij. Poslanie k Melanii [Letter to Melania by Evagrius Ponticus]. *Antologija vostočno-beristsianskoj bogoslovskoj mysli*. – Moscow-St. Petersburg, 2009, Vol. 1, pp. 477–497. (in Russian)

3. Kliment Aleksandrijskij. *Stromaty* [Stromata]. St. Petersburg, 2003. Vol. 1. 542 p. (in Russian)
4. Medvedev I.P. *Vizantijskij gumanizm, XIV–XV vv* [Byzantine humanism, XIV–XV centuries]. St. Petersburg, 1997. 341 p. (in Russian)
5. Mejendorf I.F. *Vizantijskoe bogoslovie: Istoricheskie tendencii i doktrinal'nye temy* [Byzantine theology: historical tendencies and doctrinal themes]. Minsk, 2007. 334 p. (in Russian)
6. Nemesij Jemesskij. O prirode cheloveka [On Human Nature]. *Antologija vostochno-hristianskoj bogoslovskoj mysli*. – Moscow-St. Petersburg, 2009, Vol. 1, pp. 418–447. (in Russian)
7. Sv. Maksim Ispovednik. Dogmaticeskij tomos k presviteru Marinu [Dogmatic tomos to presbyter Marin by St. Maximos the Confessor]. *Antologija vostochno-hristianskoj bogoslovskoj mysli*. – Moscow-St. Petersburg, 2009, Vol. 2, pp. 183–196. (in Russian)
8. Sv. Mefodij, episkop i muchenik. *O voskresenii, protiv Origena* [On Resurrection, against Origen by St. Methodius]. *Biblioteka otcov i uchitelej cerkvi. Sv. Grigorij Chudotvorec. Sv. Mefodij Patarskij. Tvorenija*. Moscow, 1996, pp. 192–271. (in Russian)
9. Sv. Grigorij Nisskij. *Ob ustroenii cheloveka* [On the Making of Man by St. Gregory of Nyssa]. *O cheloveke: Sb. traktatov*. St. Petersburg, 2011, pp. 23–142. (in Russian)
10. Prep. Ioann Damaskin. *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoj very* [An Exact Exposition of the Orthodox Faith]. Moscow, 2003. 162 p. (in Russian)
11. Jepiktet (Nil Ankirskij). Rukovodstvo [Enchiridion]. *Antologija vostochno-hristianskoj bogoslovskoj mysli*. – Moscow-St. Petersburg, 2009, Vol. 1, pp. 454–461. (in Russian)
12. Beck H. - G. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. 146 p.
13. Bydén B. Theodore Metochites' Stoicheiosis Astronomike and the Study of Natural Philosophy and Mathematics in Early Palaiologan Byzantium. Göteborg, 2003. 547 p.
14. Dio Chrysostom, with an English translation by H. Lamar Crosby: in five volumes. London, Cambridge, 1951, Vol. V, pp. 34–35.
15. Fryde E. The early Palaeologan Renaissance (1261 – c.1360). Leiden; Boston; Köln, 2000. (The Medieval Mediterranean. Vol. 27). 429 p.
16. Hult K., Bydén B. Theodore Metochites on Ancient Authors and Philosophy: Semeioseis gnomikai 1–26 & 71. Göteborg, 2002. 360 p.
17. Maximi Confessoris Ambiguorum Liber. // *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*. / ed. J.-P. Migne. Paris, 1863, Vol. 91, pp. 1031–1418.
18. Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. München, 1977. 269 p.
19. Tatakis V. N., Moutafakis N. J. Byzantine philosophy. Hackett Publishing, 2003. 431 p.
20. Theodori Metochitae Miscellanea philosophica et historica. / ed. Chr. G. Müller, Th. Kiessling. Lipsiae 1821. 838 p.